

сембургом и Нидерландами. Согласно части 2 статьи 9 данной Конвенции брак, заключенный дипломатическим агентом или консульским служащим в соответствии с его правом, аналогичным образом признается действительным во всех договаривающихся государствах при условии, что заключение брака не запрещено государством заключения.

Таким образом, возможность заключения консульских браков предусмотрена национальными и международными актами. Общее правило состоит в том, что брачующиеся должны являться гражданами государства, назначившего консула, а брак совершаться по праву аккредитующего государства. Такой подход следует признать логичным и оправданным. Признание консульских браков действительными видится целесообразным безотносительно применения взаимности, что позволит избежать проблемы, касающейся порядка установления факта наличия или отсутствия данного механизма. Несмотря на то, что в белорусском праве действует презумпция взаимности (если применение иностранного права зависит от взаимности, то предполагается, что она существует), не решенным остается вопрос в отношении того, кто и каким образом будет доказывать факт ее отсутствия.

РОЛЬ НАДНАЦИОНАЛЬНОГО СУДЕБНОГО ОРГАНА В РАЗВИТИИ ПРАВА КОНКУРЕНЦИИ

Бабкина Е. В., Колос Д. Г., Белорусский государственный университет

Роль судебного органа интеграционного объединения в развитии права конкуренции трудно переоценить. По общему правилу, в интеграционных объединениях (и в Европейском союзе, и в Евразийском экономическом союзе) право конкуренции относится к единой политике, которая подразумевает, во-первых, унификацию правового регулирования посредством актов нормотворческих органов с наднациональными полномочиями, и, во-вторых, наделение наднационального судебного органа функциями судебного контроля за актами/действиями наднационального исполнительного органа. В настоящее время мы можем с уверенностью констатировать, что функции контроля за соблюдением правил добросовестной конкуренции на трансграничных рынках переданы и в ЕАЭС с национального на наднациональный уровень, поскольку решением Высшего Евразийского экономического совета от 24 декабря 2013 г. № 58 Евразийской экономической комиссии переданы полномочия по контролю за соблюдением единых правил конкуренции на трансграничных рынках. Решение вступило в силу по истечении 10 дней с даты вступления в силу Соглашения о порядке защиты конфиденциальной информации и ответственности за ее разглашение при осуществлении ЕЭК полномочий по контролю за соблюдением единых правил конкуренции. Поскольку последнее вступило в силу 12 мая 2015 г., соответствующие полномочия переданы Комиссии 22 мая 2015 г.

Специфика роли наднационального судебного органа в вопросах конкуренции состоит в том, что источники правового регулирования — международные договоры и акты органов в названной сфере — оперируют достаточно абстрактными понятиями и Суд в данных обстоятельствах не может ограничиться только функцией контроля, но должен выполнять и регулятивную функцию, осуществляя толкование.

Наглядно это видно на практике Суда ЕС. Так, в его решениях сформулированы, например, такие понятия, как товарный рынок, предприятие, картельный сговор, недопустимая государственная помощь и другие, даны разъяснения о разграничении компетенции между Комиссией и национальными уполномоченными органами, а также между Судом ЕС и национальными судебными органами, абсолютный приоритет наднационального права над национальным, даже если последнее предусматривает частные исключения из правил. И за более чем 50-летнюю практику Суд ЕС высокопрофессионально справился с этой задачей. Аналогичные задачи стоят и перед Судом ЕАЭС, несмотря на то, что пункт 2 Протокола об общих принципах и правилах конкуренции (Приложение № 19 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.) содержит квалификацию основных правовых понятий в сфере конкуренции.

Говоря о компетенции Суда Евразийского экономического союза по делам о конкуренции, необходимо подчеркнуть ее отличие от компетенции Суда Европейского союза по данной категории споров несмотря на тот факт, что Суд ЕАЭС строился в общих чертах по образу и подобию последнего. Дело в том, что Суд ЕС наделен так называемой «неограниченной компетенцией» (англ. *unlimited jurisdiction*), т. е. может изменить содержание решения Комиссии: принять решение об отмене или снижении размера штрафа или иной санкции, если считает их чрезмерно высокими, а также об увеличении его размера. Такой широкой компетенцией он наделен статьей 31 регламента Совета ЕС № 1/2003, то есть по прошествии 50 лет после создания.

Суд ЕАЭС наделен только компетенцией по аннулированию: Суд выносит решение только о соответствии/несоответствии решения Комиссии Договору о ЕАЭС, международным договорам в рамках Союза и решениям органов Союза и задача Комиссии — привести его в соответствие. Полагаем, что развитие интеграционных процессов в Евразийском союзе со временем приведет к осознанию необходимости расширения компетенции Суда в этом направлении.

Кроме того, если проводить параллели с компетенцией Суда ЕС, следует подчеркнуть, что этот суд многие дела по конкуренции рассматривает в рамках рассмотрения преюдициальных запросов — запросов национальных судебных органов, которые могут или обязаны при применении права ЕС обращаться за его разъяснением в Суд ЕС. К сожалению, в настоящее время Суд ЕАЭС не наделен такой компетенцией в отличие от его предшественника — Суда ЕврАзЭС. В ЕврАзЭС высшие судебные органы государств-членов были наделены правом, а по делам, решения по которым не подлежали обжалованию, обязанностью обращения в наднациональный суд с запросом. В Европейском союзе имеет место аналогичная обязанность, однако:

— правом обращения с преюдициальным запросом наделены судебные органы всех инстанций;

— обязанности обращения в Суд ЕС у национального суда не возникает, если толкование положений права ЕС настолько очевидно, что у национального суда не может быть никаких разумных сомнений, при условии что и у судов других государств-членов таких сомнений не возникает (эта правовая позиция Суда ЕС зафиксирована в решении 1982 г. по делу *CILFIT* против Министерства здравоохранения Италии).

В ЕАЭС нарушение правил конкуренции на трансграничных рынках вынесено на наднациональный уровень, т. е. такие дела рассматриваются Комиссией и решения по ним обжалуются в Суд ЕАЭС. Когда же действия затрагивают внутренний рынок одного государства, дело рассматривается национальным уполномоченным органом и решение по нему оспаривается, соответственно, в национальном суде. Единообразие национальной судебной практики по таким делам — один из приоритетов Союза, поэтому национальные суды должны иметь возможность обращения в Суд ЕАЭС с преюдициальным запросом.

КОНЦЕПЦИЯ ДОГОВОРА МЕЖДУНАРОДНОГО ФАКТОРИНГА В МОДЕЛЬНОМ ЗАКОНЕ О ФАКТОРИНГЕ *IFG*

Газдюк Н. Ю., Белорусский государственный университет

Модельный закон о факторинге был разработан и принят в 2014 г. Международной группой факторов (*International Factors Group* или *IFG*), представляющей собой профессиональное объединение компаний, осуществляющих факторинговую деятельность. Хотя *IFG* не имеет статуса международной межправительственной организации, тем не менее, полагаем, что Закон представляет интерес для белорусского законодателя в контексте совершенствования правового регулирования соответствующих общественных отношений, поскольку в его основу легли современные подходы, отраженные в Конвенции УНИДРУА «О международном факторинге» 1988 г., Конвенции ООН «Об уступке дебиторской задолженности в международной торговле» 2001 г., а также Руководстве ЮНСИТРАЛ для законодательных органов по обеспеченным сделкам 2007 г. В этой же связи Закон может послужить одной из основ для гармонизации и(или) унификации правового регулирования факторинга в рамках Евразийского экономического союза. Особый интерес представляет концепция факторинга, заложенная в нормах Закона, основными чертами которой являются следующие.

1. Разработчики Закона исходили из широкой концепции договора факторинга, которая могла бы охватить как можно больше видов факторинга, используемых в торговом обороте, в том числе дисконтирование счетов-фактур, скрытый, реверсивный факторинг, факторинг с правом и без права регресса.

2. Договор факторинга понимается как соглашение, заключенное между клиентом и фактором, отвечающее признакам, установленным пунктом 1.2 статьи 1 Закона. Вместе с тем, как следует из комментариев разработчиков, такое понимание договора факторинга не препятствует применению Закона к договорам «реверсивного факторинга», когда помимо соглашения между фактором и клиентом может заключаться соглашение между фактором и должником.

3. На основе договора факторинга клиент осуществляет уступку фактору одной или нескольких статей торговой дебиторской задолженности. Под уступкой понимается передача на основе соглашения одним лицом («цедентом») другому лицу («цессионарию») полностью или частично неделимого интереса в договорном праве цедента на платеж денежной суммы («дебиторской задолженности»), причитающийся с третьего лица («должника»). Создание прав в де-